

Алла Градинарова

СЛОВОРАСПОЛОЖЕНИЕ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ: ПОЗИЦИЯ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ

0. Особенности порядка слов в предложении, как известно, тесно связаны с типологическими характеристиками того или иного языка. Так, синтетизм или аналитизм языкового строя задает определенную степень свободы или несвободы словорасположения.

Являясь языком синтетического строя, русский язык характеризуется относительной свободой порядка слов. Мера этой свободы, неодинаковая для различных письменных и разговорных стилей, обусловлена иерархическим распределением выполняемых словопорядком функций (актуальное членение высказывания, кодирование определенной синтаксической позиции, выражение эмоционально-экспрессивных смыслов, ритмизация речи и др.). Например, если в письменных стилях доминантной функцией порядка слов является теморематическое членение информации, то в бытовой устной речи эта функция словопорядка уже не доминирует, поскольку при разговоре выделение неравноценных в коммуникативном плане речевых отрезков осуществляется преимущественно интонацией. С этим фактом связана бóльшая свобода словопорядка в разговорных стилях по сравнению со стилями письменными.

Система болгарского словорасположения формируется в соответствии с теми структурными ограничениями, которые связаны с одной из фундаментальных характеристик болгарского языка – его именным аналитизмом. Невозможность выражения синтаксических отношений посредством падежных флексий существительных имеет своим следствием увеличение грамматической значимости и уменьшение степени свободы болгарского словопорядка.

В настоящей работе мы сопоставим отдельные русские и болгарские схемы расположения прямого дополнения относительно сказуемого в невопросительных предложениях. Целью этих сопоставлений будет обнаружение сходств и различий в линейном следовании компонентов русских и болгарских синтаксических групп, включающих сказуемое и прямое дополнение. Лингвистическое объяснение существующих различий также входит в задачи исследования.

1. В стилистически нейтральной русской речи прямое дополнение, выраженное именем существительным, располагается в составе ремы после сказуемого. Если дополнение выражено личным местоимением, оно нормативно как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к сказуемому: *В конце концов она // потеряла **дорогу** и не нашла **ее** – все под ногами слилось в одной движущейся неразберихе* (В.Распутин, Живи и помни); *А художник // молчал и **его** не видел* (Е.Попов, Полярная звезда).

В болгарском языке, в соответствии с кодифицированной нормой, прямое дополнение, выраженное именем существительным, занимает позицию непосредственно за сказуемым [Георгиева 1974: 42; Грамматика 1994: 275]: *Леха латинки красеше **входа**, по чишто стъпъла прецьфтелият трендафил беше изронил **листата си*** (Е.Станев, Крадецът на праскови); *Усещам как онова*

познато до втръсване чувство за тежост обгръща **сърцето ми** (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта). Эта позиция маркирует именную словоформу как прямой объект и обеспечивает ее отграничение от субъектной словоформы в позиции подлежащего. Позиционная закрепленность подлежащего и прямого дополнения считается самым ярким проявлением грамматической функции порядка слов в болгарском языке [Георгиева 1974: 42].

Если болгарское прямое дополнение выражено краткой формой личного местоимения¹, то оно может быть как постпозитивным, так и препозитивным по отношению к сказуемому. Е.Георгиева связывает препозицию краткой формы местоимения с появлением в предложении подлежащего [там же: 43], что не дает точного представления о правилах употребления препозитивной клитики. В действительности, условием постпозиции краткого местоимения является начальная позиция управляющей неаналитической и неотрицательной формы глагола-сказуемого, а основным условием препозиции клитики является не наличие в предложении подлежащего, а отсутствие описанного условия ее постпозиции.

В следующих примерах из романа Д.Димова «Тютюн» и повести Е.Станева «Крадецът на праскови» винительный падеж краткого местоимения используется в бесподлежащих предложениях. Ср. его постпозицию в предложении с начальной простой неотрицательной формой сказуемого: *Задържаше го до последната минута...* и препозицию в предложениях с начальной глагольной формой с отрицанием, начальной аналитической глагольной формой, а также в предложениях с неначальным сказуемым: «*Не ги слушайте!..*» – *заяви татко Пиер*; «*Иди утре в града и вземи старите ботуши на мъжа ми. Ще ги донесеш тук, но никой не бива да знае това. Искам да ги дам на един бос човек*»; «*Знаеш ли как ги третират? По-добре да паднеш убит на бойното поле, отколкото да те вземат роб!*»; *После я чух да крещи с разтреперан глас.*

Наличие же в предложении подлежащего вообще не является условием препозиции клитики. См. ее размещение после сказуемого в составе темы в предложении с рематическим подлежащим: *Озадачи го // само обстоятелството, че всичко беше станало тъй светкавично бързо* (Д.Димов, Тютюн). Ср. также в следующих за прямой речью словах автора с препозитивным по отношению к подлежащему, начальным сказуемым: «*Товага обърнете се към директора*» – *посъветва го тя разсеяно* (Д.Димов, Тютюн).

Препозиция краткого местоимения по отношению к управляющему глаголу, по мнению Е.Георгиевой, может быть следствием стремления энклитик продвинуться к началу предложения [Георгиева 1974: 43].

Важной особенностью болгарского дополнения, выраженного краткой формой местоимения, является его *контактная* позиция относительно сказуемого. Болгарский язык входит в группу языков, в которых действует запрет на дистантное расположение глагола и клитики (цепочки клитик). В отдельных исследованиях, однако, содержатся примеры нарушения этого запрета. Так, случаи разъединения местоименной клитики и глагола ударным наречием отмечаются в поэтических и, шире, художественных текстах [Димитрова 1990], а также в современной публицистике [Шанова 2006]. Дистантность глагола и местоименной клитики фиксируется и в народных говорах [Цыхун 1966]. Ср. в народной речи XIX века: *И там го съд не отсъди, а той го назад повърна...* (Син кара баща си на съд – Н.Геров, Песнопойче

(1860) – Сенки из невиделица. Книга на българската народна балада. Варна: LiterNet, 2005).

В современном болгарском литературном языке контактное размещение глагола и местоименной клитики, тем не менее, нормативно, а отклонения от стандартного словоупотребления вносят в речь элементы поэтичности или просторечия: *Като я заведе в пещерата, змят я вече има за жена* (Змейове, змеици – Д.Маринов, Народна вяра и религиозни народни обичаи); *Със своето съжаление аз го още повече унижавам, па унижавам и себе си* (Н.Райнов, Сиромах Лазар).

Что касается болгарского прямого дополнения, выраженного полной формой личного местоимения, то его употребление связано с определенными условиями актуализации. Так, оно нормативно в фокусе ремы: *«Ние сме ударили ↓него» – дрезгаво произнесе Макс* (Д.Димов, Тютюн); *Кларнети прозвучаха пак в душата му и той видя ↓нея – другата Мария* (Й.Йовков, Песента на колелетата). При тематизации в разговорной речи, находясь в фокусе темы, оно дублируется краткой местоименной формой: *В България има пет човека, които могат да си позволят да си купуват картини. И тях всеки ги знае* (из интервью с И.Марковским); *«Аз пък зная, че тебе не са те арестували по политически причини...»* (Я.Язова, Соления залив).

Таким образом, для выраженных личными местоимениями прямых дополнений, использующихся в стилистически нейтральных русских текстах, функциональными соответствиями служат болгарские дополнения, представленные краткими местоименными формами. Выбор позиций для кратких местоимений регулируется строгими правилами расположения клитик. Размещение же русских местоименных форм более свободно. Поэтому наряду с контекстами, где русские и болгарские местоимения расположены одинаково (ср., например: *Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало*. М.Булгаков, Мастер и Маргарита – *Берлиоз жално се озърна – не проумяваше какво го бе уплашило*. М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой), имеются контексты, в условиях которых русские местоимения занимают позиции, невозможные для болгарских клитик. Приведем в качестве иллюстраций тексты переводов с русского языка на болгарский: *Но даже и они судили его не слишком строго* (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – *Но даже и те не го съдеха твърде строго* (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц); *На этот раз его просьбу удовлетворяют, но только отчасти: его посылают на Сараки...* (Стругацкие, Жук в муравейнике) – *Този път удовлетворяват неговата молба, но само отчасти: изпращат го на Сараки...* (Стругацки, Бръмбар в мравуняка, перевод М.Асадурова).

В русском языке контактное расположение сказуемого и выраженного личным местоимением прямого дополнения не является обязательным. Очень часто, особенно в контекстах с разговорной окраской, между управляющим глаголом и местоимением в функции прямого дополнения располагаются другие члены предложения – обстоятельства образа действия, места, времени, подлежащее. Ср. русские предложения с их переводом на болгарский язык: *Впрочем, все это меня мало касалось* (Стругацкие, Жук в муравейнике) – *Впрочем всичко това малко ме засягаше* (Стругацки, Бръмбар в мравуняка, перевод М.Асадурова); *Закидай помоложе, я его рвотным камнем спасла* (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – *Закидай е по-млад, та го спасих с лек за повръщане* (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц); *Он вас там встретит* (Стругацкие, Жук в муравейнике) – *Той ще ви посрещне там*

(Стругацки, Брѣмбар в мравуняка, перевод М.Асадурова); ...*a третий смотрит и, когда его потом спросят*, – *расскажет* (Стругацкие, Пикник на обочине) – ...*a третият гледа и когато после го питат*, *разказва* (Стругацки, Пикник край пътя, перевод М.Асадурова); *Я его до сегодняшнего дня вообще не примечал* (там же) – *До ден днешен не бях го забелязал* (там же); *Схватили мы его за руки* (там же) – *Хванахме го за ръцете* (там же).

Разделить управляющий глагол и местоименную клитику в винительном падеже может только другая клитика, например вопросительная частица *ли*: *Видяхте ли го моя син?* (Е.Пелин, Напаст Божия). Согласно правилу, по которому при одновременном использовании кратких форм винительного и дательного падежей личного местоимения форма дательного падежа всегда предшествует форме винительного [Грамматика 1994: 275], в предложениях с начальной неаналитической и неотрицательной формой сказуемого клитика в дательном падеже оказывается между сказуемым и клитикой в винительном: *Тя се появи с табла, на която бе сложила храната. Подаде му я* (Е.Станев, Крадецът на праскови). При препозиции клитик по отношению к сказуемому контакт между ним и прямым дополнением не нарушен: «*Ще му го кажете ли?*» – *попита Прайбиш с известно съмнение* (Д.Димов, Тютюн).

В русском языке расположение местоименных форм дательного и винительного падежа относительно друг друга не закреплено строгим правилом: *Он покупал – теперь уже за свои – фрукты писательнице и носил ей их раз в неделю, по субботам* (Г.Щербакова, Моление о Еве); ...*изменить всю внешнюю политику, как мы излагали ему ее на последней встрече в Завидово* (А.Проханов, Господин Гексоген); *Я посолил кусок хлеба и протянул его ей, но она оттолкнула его* (Л.Добычин, Город Эн); *Еще подумала: отдам его им, а с кем останусь сама?* (В.Войнович, Монументальная пропаганда); *Толстая аккуратно ей его бросила, и та так же аккуратно его поймала* (В.Месяц, Лечение электричеством); *Им не нужно твое припрятываемое, но ты его им отдай* (В.Маканин, Стол, покрытый сукном и с графином посередине).

Закономерности словоупотребления наблюдаются в русском языке в тех случаях, когда косвенное дополнение обозначает лицо и выражено местоимением, а прямое дополнение называет предмет. При этих условиях дательный падеж косвенного дополнения размещается непосредственно после управляющего глагола и предшествует прямому дополнению [Розенталь 1998]: *Стараясь не смотреть на нее, он протянул ей конверт* (Ю.Герман, Дорогой мой человек).

В болгарском языке описанные условия также позволяют аналогичный порядок слов. Ср. контексты с косвенным дополнением, выраженным неопределенным местоимением: «...*още не съм чула някой някъде да е подарил някому втората си риза*» (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта) – «...*я още не слыхала, чтоб кто-то подарил кому-то свою вторую рубашку*» (Б.Райнов, Утро – еще не день, перевод С.Никоненко).

2. Вернемся к правилу, в соответствии с которым болгарское прямое дополнение, выраженное существительным, размещается непосредственно за сказуемым [Георгиева 1974: 42; Грамматика 1994: 275]. Это правило сформулировано относительно стилистически нейтральной письменной речи. Но даже для этой функциональной сферы оно далеко не всегда соблюдается. Е.Георгиева, автор цитируемой в данной статье книги и посвященного порядку слов раздела в академической болгарской грамматике [Грамматика 1994], отмечает, что при одновременном использовании прямого и двух косвенных

дополнений в соответствии с нормой за сказуемым следует одно из косвенных дополнений, за ним располагается прямое и далее – второе косвенное: *Някои запазени в град Дубровник търговски тештери и лични завещания дават на обществото ценни сведения за София* [Георгиева 1974: 45]. В примере, приведенном Е.Георгиевой, второе косвенное дополнение (в другой интерпретации – несогласованное определение) подчинено прямому дополнению, а не непосредственно сказуемому. Поэтому данный пример служит лишь иллюстрацией того факта, что в нейтральной болгарской речи выраженное существительным косвенное дополнение может следовать непосредственно за сказуемым и предшествовать прямому дополнению.

Многочисленные случаи неконтактного расположения сказуемого и прямого дополнения, не связанные с условиями речевой актуализации, усугубляют сомнения относительно существования в болгарском языке строгого правила о контактной постпозиции прямого дополнения относительно сказуемого.

В связи с нормативным для болгарского языка размещением обстоятельства образа действия после сказуемого это обстоятельство особенно часто занимает в составе ремы позицию между сказуемым и прямым дополнением. В русском языке в подобных контекстах контактное расположение сказуемого и прямого дополнения сохраняется вследствие стандартной препозиции обстоятельства образа действия по отношению к сказуемому. Ср.: *Борислав // произнася бавно съответния адрес* (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта) – *Борислав // медленно выговаривает адрес* (Б.Райнов, Утро – еще не день, перевод С.Никоненко); *Доротея // огледа предпазливо обстановката* (П.Вежинов, Барьерата) – *Доротея // опасливо огледела комната* (П.Вежинов, Барьер, перевод М.Тарасовой).

В русских текстах при нейтральном словопорядке из двух зависимых от сказуемого падежных форм непосредственно за ним следует та, которая, оказавшись в конечной позиции, вопреки коммуникативным намерениям автора речи могла бы быть воспринята как самостоятельная рема [Грамматика 1980]. В связи с этой закономерностью пространственные словоформы (локатив, латив, элатив, трасса), например, часто располагаются сразу после сказуемого, а прямое дополнение следует за ними. Размещение пространственных словоформ после прямого дополнения могло бы привести к их рематизации. Ср.: *Босталоева // сложила в чемодан два запасных платья, ведомость потребных стройматериалов и оборудования, белье...* (А.Платонов, Ювенильное море) и *Босталоева сложила два запасных платья // в чемодан...*

В стилистически нейтральных болгарских текстах пространственные словоформы также часто оказываются в позиции после глагола и перед прямым дополнением. Ср.: *Надявах се да видя тук един познат...* (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта) – *Я надеялся встретить тут одного знакомого...* (Б.Райнов, Утро – еще не день, перевод С.Никоненко); *Наистина преди години често взимах в колата си случайни хора* (П.Вежинов, В един есенен ден по шосето) – *Раньше я часто брал в машину случайных попутчиков* (П.Вежинов, Однажды осенним днем на шоссе, перевод Р.Белло); *Само при един поглед на Сеймур жената изважда от шкафа бутилка уиски, шише минерална вода и чаши* (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта) – *Достаточно одного взгляда Сеймура, и она уже достает из шкафа виски, бутылку воды и стаканы* (Б.Райнов, Утро – еще не день, перевод С.Никоненко). См. также в переводах с русского: *Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар...* (М.Булгаков, Мастер

и Маргарита) – *Непознатият тутакси извади от джоба си табакера...* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой).

Позицию между переходным глаголом и прямым дополнением могут занимать и другие болгарские обстоятельственные компоненты, в частности обстоятельства времени, которые, по замечанию Е.Георгиевой, характеризуются относительной свободой расположения и не имеют в предложении закрепленной за ними позиции [Георгиева 1974: 83-84]: *Южна Корея изпрати вчера танкер, натоварен с 6,2 хил. тона петрол за Северна Корея* (газ. Сега).

Вместе с тем, некоторые схемы словорасположения, возможные в русском языке при определенных условиях актуализации, в болгарском языке допустимы лишь в случаях стилизации текста. Так, действующие в русском языке механизмы топикализации могут привести к размещению подлежащего между сказуемым в инициальной позиции и прямым дополнением: *Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, // очень черными красками* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита). В болгарском переводе сказуемое и прямое дополнение контактны: *Бездомни беше обрисувал главното действащо лице в поемата, тоест Иисус, // с много тъмни краски* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой). Ср., однако, размещение болгарского подлежащего между сказуемым и прямым дополнением при стилизации под народный эпос: *Залюбил е млади Камен Цена хубавица* (И.Вазов, Грамада).

3. Остановимся подробнее на некоторых случаях коммуникативно обусловленного изменения нейтрального порядка слов в предложениях с прямым дополнением.

В русских текстах очень широко распространено явление топикализации прямого дополнения. При топикализации прямое дополнение вычленяется из рематической группы сказуемого и выносится в абсолютное начало предложения в позицию темы: *Данную в штабе подписку Марютка // держала крепко* (Б.Лавренев, Сорок первый). Ср. исходную структуру: *Марютка // крепко держала данную в штабе подписку*. Далее мы будем использовать понятие *топик* по отношению к прямому дополнению, оказавшемуся в инициальной позиции не только в результате его вынесения из состава ремы исходной конструкции, но и вследствие перестановок в составе темы.

Топикализация прямого дополнения возможна и в болгарском языке, однако сфера ее использования ограничена рамками разговорной речи. В жанрах художественной литературы конструкции с вынесенным в начальную позицию тематическим дополнением передают характерные черты устного общения или являются особенностью стиля писателя: *«Тая история за двете ризи // я слушаме вече две хиляди години»* (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта); *Кафето той // сам си го прави в стъклена колба...* (Б.Райнов, Умирай само в краен случай); *[И наистина, случило се е нещо невероятно:] всесилните самоковски бейове, които пет пари не дават за султанските фермани, Чакъра // ги стряска* (Н.Хайтов, Чакър войвода).

Приведенные примеры показывают, что топикализация дополнения в болгарском языке обычно сопровождается его дублированием краткой формой личного местоимения. Винительный падеж клитики указывает на позицию объекта и устраняет возможность неразличения подлежащего и прямого дополнения.

Отсутствие дублирующей местоименной клитики, по мнению Е.Георгиевой, является показателем использования прямого дополнения в

составе ремы [Георгиева 1974: 75] (см. об этом ниже). Нам, однако, придется добавить, что вынесение прямого дополнения в позицию темы и превращение его в топик возможно и без участия дублирующей клитики: *Памида // изтърсваха небрежно в каци и кошове, // а кехлибареножълтия болгар и мискета, покрит със синкав прах, // нареждаха грижливо в плитки сандъчета...* (Д.Димов, Тютюн); *Влажните бали поставяха // в горните етажи, // а сухите // – в долните или в избата* (там же); *Тази щипка трева скитникът // е откъснал близо край камъшите на утайника* (Й.Радичков, Змийски сняг).

Очевидно, отсутствие в наших примерах клитики связано с желанием писателя избежать стилистической окраски разговорности, характерной для конструкций с дублирующим дополнением кратким личным местоимением.

Особенно интересны контексты, в которых маркером позиции прямого дополнения является возвратно-притяжательное местоимение. Доступная нам литература по болгаристике не содержит упоминаний об использовании этого местоимения в роли маркера определенной синтаксической позиции. Нам также не удалось найти указаний на то, что болгарское возвратно-притяжательное местоимение в полной и краткой форме (*свой* и *си*) не способно употребляться при именах в позиции подлежащего². Тем не менее, в отличие от прилагательного *собствен*, возвратно-притяжательные *свой* и *си* при имени в этой позиции не используются: *Собствената риза е най-близо до гърба*; **Своята риза е най-близо до гърба*; **Ризата си е най-близо до гърба*. Ср. русское *Своя рубашка ближе к телу*.

Невозможность употребления возвратно-притяжательного местоимения при подлежащем превращает его в маркер неноминативных позиций. Очевидно, с этим связано отсутствие дублирующей дополнения личной клитики в следующем болгарском переводе русского предложения: *Чай он всегда пил // с легким отвращением* (В.Пелевин, Желтая стрела) – *Чая си той винаги пиеше // с леко отвращение* (В.Пелевин, Жълтата стрела, перевод И.Попова). Ср. также: *Дипломите си ще получат // 138 офицери и студенти, обучавани в 7 акредитирани специалности* (официальный сайт Министерства обороны Болгарии – md.government.bg); *Запитванията си можете да направите // на електронната поща...* (сайт фирмы Stefi99 Ltd. – pani-na.biz); *Подаръците си ще вземат // на 25 декември в детския коледен град* (информационный сайт news.bg) и под.

Обратим внимание на то, что в использованном иллюстративном материале дополнения, занимающие начальную позицию, выражены словоформами, которые имеют определенный референциальный статус, – именами в членной форме (словоформами с определенным постпозитивным артиклем) и существительными с предшествующим указательным местоимением. Именно референтность таких дополнений позволяет дублировать их кратким личным местоимением. Другими словами, дублирующая клитика может сопровождать только прямое дополнение, являющееся в предложении «данным».

Можно было бы предположить, что невозможность продублировать клитикой дополнение, выраженное нереперентным именем, затрудняет его тематизацию в текстах переводов с русского. Так, в следующих примерах тематическое прямое дополнение оригинала в болгарском переводе заменено рематическим: «...а *соцстрах* можете за меня не платитъ» (И.Ильф и Е.Петров, Двенадцать стульев) – «*Може да не ми плащате социални*

осигуровки» (И.Илф и Е.Петров, Дванайсетте стола, перевод Т.Баловой); [*Тя шевелила губами, считая петли.*] *Недоумения не выказывала* (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – [*Тя мърдаше устни – броеше примките.*] *Не изрази никакво недоумение* (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц).

Необходимо отметить, однако, два обстоятельства. Во-первых, в болгарском языке грамматически допустима тематизация прямого дополнения, выраженного нереперентным именем. Так, в следующем примере нечленная именная форма дополнения находится в позиции топика: [*Остава едно портнерско място.*] *Заплата // на първо време, разбира се, не мога да ви обеща* (Б.Райнов, Умирай само в краен случай). Ср. также использование конструкции с неначальным тематическим прямым дополнением в переводе с русского: «*Я чужого // в жизни не возьму*» (В.Пелевин, Желтая стрела) – «*Аз чужди неща // през живота си не съм взимала*» (В.Пелевин, Жълтата стрела, перевод И.Попова)³.

Во-вторых, тексты переводов с русского языка на болгарский дают многочисленные примеры замены русского тематического прямого дополнения болгарским тематическим и в тех случаях, когда дополнение представлено референтной именной группой и, следовательно, при переводе может быть использовано предложение с дублирующей клитикой, т.е. та структура, которая ясно разграничивает позиции подлежащего и прямого дополнения. Тем не менее, вместо использования стилистически маркированной конструкции переводчик изменяет коммуникативное членение оригинала: *Эту поэму Иван Николаевич // сочинил, и в очень короткий срок...* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Иван Николаевич // беше написал поемата, и то в много кратък срок...* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой); *Этого свиста Маргарита // не услышала* (там же) – *Маргарита // не чу това изсвирване* (там же); *Барона // обступили со всех сторон* (В.Пелевин, Чапаев и пустота) – *Обкръжиха барона от всички страни* (В.Пелевин, Чапаев и пустотата, перевод Б.Пенчева); «*Прядку-то // подбери, стыдно*» (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – «*Прибери тоз кичур, срамота*» (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц).

Заметим, что довольно часто в стремлении сохранить коммуникативное членение оригинала переводчик выбирает конструкцию, которая позволяет участника, выраженного в русском предложении тематическим прямым дополнением, представить в позиции подлежащего. Из таких конструкций особо выделим распространенный в болгарском языке пассив. Ср.: *Серый берет он // лихо заломил на ухо* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Сивата му барета // беше накривена предизвикателно над ухото* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой).

Сопоставление оригинальных русских текстов с их переводом на болгарский язык оказывается достаточно информативным. Так, нежелание переводчика использовать болгарскую конструкцию с местоименной клитикой, дублирующей тематическое прямое дополнение, является доказательством стилистической окрашенности этой структуры. Замена русского предложения с прямым дополнением в начальной позиции болгарской конструкцией пассива свидетельствует о функциональной эквивалентности этих построений.

Что касается болгарских структур с начальным тематическим прямым дополнением без дублирующей клитики и без возвратно-притяжательного местоимения (независимо от того, может быть использована клитика или нет, т.е. независимо от референтности или нереперентности дополнения), то их

фиксации в переводах с русского единичны. Последнее говорит о том, что названные конструкции отнюдь не относятся к числу типичных для болгарского литературного языка построений. Начальное тематическое прямое дополнение без дополнительных маркеров синтаксической позиции может быть принято за подлежащее, поэтому подобные структуры не могут получить в письменных текстах широкого распространения. В современной устной речи они, однако, нередки, и этот факт нашел отражение в болгарской лингвистической литературе [Ангелова 1988].

Очевидно, среди этих конструкций шанс на «выживание» в письменной речи имеют построения с некоторым набором семантических и грамматических признаков, позволяющих отличить подлежащее от прямого дополнения. В качестве примера приведем предложения с начальным прямым дополнением в составе темы и тематическим подлежащим, в которых интересующие нас позиции занимают именные группы, различающиеся по согласовательным категориям. Из этих именных групп как подлежащее воспринимается то, которое согласуется со сказуемым: *Изборите тук спечели // Иван Кардамов...* (С.Цанев, Мравки и богове). Ср. также в переводе: *Такие штуки может отколоть // любой профессионал-гипнотизер средней силы...* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Такива номера може да прави // всеки средно способен професионалист хипнотизатор...* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой).

В русском языке очень распространены так называемые безличные конструкции с прямым дополнением в позиции топика: *Фургон // отбросило в сторону по касательной, закрутило и перевернуло резким борцовским рывком верх колесами* (А.Логинов, Мираж).

В болгарских текстах подобные бесподлежащие построения неупотребительны. Их закреплению и распространению в языке препятствует тот факт, что при отсутствии в составе глагольной формы однозначного маркера безличности инициальная беспредложная форма имени идентифицируется как подлежащее. В переводах с русского языка такие конструкции заменяются личными предложениями, в которых участник, выраженный русским прямым дополнением, занимает позицию подлежащего: *Грозу // унесло без следа* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Бурята // отмина безследно* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой); *Плащ Воланда // вздуло над головами всей кавалькады* (там же) – *Наметалото на Воланд // се изду над главите на цялата кавалкада* (там же). Ср. также замену болгарским пассивом русской безличной конструкции с тематическим прямым дополнением в неначальной позиции: *Вдруг горизонт // залило нестерпимо ярким светом* (В.Пелевин, Чапаев и пустота) – *В този момент пустинята // бе заляна от нетърпимо ярка светлина* (В.Пелевин, Чапаев и пустотата, перевод Б.Пенчева).

Русские безличные модальные конструкции с начальным прямым дополнением в составе темы также не имеют аналогичных соответствий в болгарском языке. Одним из функциональных эквивалентов этих структур является болгарский пассив. Ср.: *Этого установить // не удалось* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Те // не можеха да бъдат установени* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой); *«...ее из Зоны выносить // нельзя»* (Стругацкие, Пикник на обочине) – *«...тя // не бива да се изнася от Зона»* (Стругацки, Пикник край пътя, перевод М.Асадурова).

Проблематична для болгарского языка тематизация занимающей позицию прямого дополнения *да*-конструкции. В русском же языке нефинитные

клаузы, функционально эквивалентные болгарской *да*-конструкции, легко занимают позицию темы. Ср.: *...оправившись после сабельного ранения, вновь брать в руки оружие он // не пожелал* (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – *...подир възстановяването си от сабленото ранение // не пожелала повече да хване оръжие* (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц).

4. Ударное прямое дополнение, располагающееся в составе ремы перед сказуемым, характерно для разговорных русских конструкций. Эти конструкции, тем не менее, широко употребительны в художественных текстах.

Аналогичные построения частотны и в болгарской разговорной речи, причем препозиция ударного прямого дополнения по отношению к сказуемому не связана с референтным статусом именной группы в роли дополнения. Ср.: *«Аз // прасето си бях загубил нощес»* (Й.Радичков, Свирепостно настроение); *«Така ще го направя, че // кокалите си няма да събере»* (там же); *«А насреца // два портрета съм си окачил»* Вен.Ерофеев, Валпургиева нощ., перевод И.Тотоманова (в оригинале: *«А напротив – // висят два портрета»* Вен.Ерофеев, Валпургиева нощ...); *«...ако си слушал “Мор”, значи // и нея си я слушал»* В.Пелевин, Омон Ра, перевод И.Попова (в оригинале: *«...если “Мор” слышал, то ее // тоже слышал»* В.Пелевин, Омон Ра).

В болгарских художественных текстах эти структуры, однако, не имеют широкого распространения, что связано, очевидно, с их яркой разговорностью и невозможностью передать в письменной речи интонационную маркированность дополнения. В исследованных нами переводах русское препозитивное прямое дополнение последовательно заменяется болгарским постпозитивным: *«...оттого, что я в храме // яблоки просыпала»* (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – *...задето в храма // бутнах ябълките* (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц); *[Но этого всего ему мало показалось,] возмечтал он // некую особую, прежде еще не бывалую породу вывести* (там же) – *[Но всичко това му беше малко,] той забленува // да създаде някаква особена, небивала досега порода* (там же); *Сначала // какой-то трактор показали...* (В.Пелевин, Синий фонарь) – *Отначало // показали някакъв трактор...* (В.Пелевин, Синият Фенер, перевод Б.Станчева).

Аналогичной перестановке компонентов подвергаются при переводе и русские предложения с расположенным в составе ремы перед сказуемым неударным прямым дополнением: *А бригадир // документы посмотрел и говорит...* (В.Пелевин, Желтая стрела) – *А бригадирът // погледна документите му и казва...* (В.Пелевин, Жълтата стрела, перевод И.Попова); *«...а мужичок // сумку бросил – и бежать»* (Е.Лукин, В стране заходящего солнца) – *«...а човекът // хвърли чантата – и беж»* (Е.Лукин, В страната на залязващото слънце, перевод И.Попова).

Для русских отрицательных, неопределенных и указательных местоимений-существительных, употребляющихся в составе ремы в функции прямого дополнения, обычным является расположение перед сказуемым. В болгарских нейтральных конструкциях местоимения-существительные указанных разрядов нормативно постпозитивны по отношению к сказуемому, причем отрицательные местоимения интонационно выделены, в отличие от русских, обыкновенно неударных. Ср.: *И изведнъж ми се стори странно, че досега не бях чул нищо за него* (П.Вежинов, В един есенен ден по шосето) – *И мне показалось странным, что я до сих пор ничего о нем не знал и не слышал* (П.Вежинов, Однажды осенним днем на шоссе, перевод Р.Белло); *Омир не разказва нищо за по-сетнешната съдба на героя* (Т.Жечев, Митът за Одисей) –

Гомер *ничего* не рассказывает о дальнейшей судьбе Одиссея (Т.Жечев, Миф об Одиссее, перевод Е.Фалькович); «В нашей стране атеизм *никого* не удивляет», – дипломатически вежливо сказал Берлиоз (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – «В нашата страна атеизмът не учудва *никого*» – каза с дипломатическа учтивост Берлиоз (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой); След като сложите *нещо* отгоре си (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта) – После того как вы на себя *что-нибудь* набросите (Б.Райнов, Утро – еще не день, перевод С.Никоненко); Тя, изглежда, разбра *това* (П.Вежинов, Барьерата) – Она, похоже, *это* поняла (П.Вежинов, Барьер, перевод М.Тарасовой).

5. И в русских и в болгарских экспрессивных конструкциях прямое дополнение может выступать в качестве препозитивной ремы. Ср.: «[Я теперь что надо вспомнил.] *Адрес* // вспомнил» (М.Успенский, Чугунный всадник) – «[Сега си спомних каквото трябва.] *Адреса си* // спомних (М.Успенски, Чугуненият ездач, перевод И.Попова); «[Нет, вы не ослышались, – учтиво ответил Берлиоз, –] *именно это* // я и говорил» (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – «[Не, не грешите – учтиво отвърна Берлиоз, –] *тъкмо това* // каза» (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой).

Разговорная речь является основной сферой функционирования болгарских структур с прямым дополнением в функции препозитивной ремы. Сравнительно редко встречающиеся в художественной прозе, эти конструкции, однако, характерны для стиля отдельных писателей. См., например, у Й.Радичкова в рассказе «Змийски сняг»: *Кротост и смирение* // излъчваше гробището, [само дивата шипка по края стърчеше предизвикателно с алениите си плодове]; *Само удавено* // не ядат скитащите кучета.

Как видно из приведенных примеров, использование болгарского прямого дополнения в роли препозитивной ремы экспрессивных предложений не связано с референтностью или нереферентностью являющейся дополнением именной группы. Прямое дополнение в подобных предложениях не дублируется краткой формой личного местоимения.

6. Правила болгарского порядка слов изучены, на наш взгляд, недостаточно. Некоторые установленные для письменной нейтральной речи нормы не подтверждаются существующей языковой практикой. Так, кодифицированная контактность сказуемого и прямого дополнения реально нарушается многими обычными для нейтральной болгарской речи схемами словорасположения.

Предстоит более детально описать грамматические функции болгарского возвратно-притяжательного местоимения *свой/си*, в частности исследовать возможности его использования в качестве маркера неноминативных позиций.

Размещение прямого дополнения в русских и болгарских конструкциях регулируется общими закономерностями, действие которых в болгарском языке ограничивается его именным аналитизмом.

Несоответствия в расположении русских и болгарских прямых дополнений наблюдаются в случае их выражения личными местоимениями. Строгие правила размещения болгарских клитик контрастируют с более свободным расположением русских местоименных форм.

Имеются расхождения в линейном следовании компонентов отдельных русских и болгарских схем словоупотребления. Так, русская нейтральная последовательность «обстоятельство образа действия + сказуемое + прямое

дополнение» не совпадает с нейтральной болгарской «сказуемое + обстоятельство образа действия + прямое дополнение».

В сравнении с русским в болгарском языке сфера использования конструкций с прямым дополнением, вынесенным в позицию темы, очень ограничена. Обычные для болгарской разговорной речи, эти структуры не являются предпочтительными для письменных стилей.

Именной анализ, препятствующий топикализации прямого дополнения в письменной нейтральной речи, является причиной отсутствия в болгарском языке безличных конструкций с тематическим прямым дополнением, то есть таких построений, которые в русском языке широко распространены.

Расположение болгарского прямого дополнения в составе постпозитивной ремы перед сказуемым связано с интонационной маркированностью дополнения. Конструкции с таким словоупотреблением распространены в болгарской разговорной речи, но не типичны для речи письменной. Та же особенность характеризует и болгарские экспрессивные предложения с прямым дополнением в функции препозитивной ремы. В письменных текстах болгарские схемы словорасположения, в которых прямое дополнение предшествует сказуемому, лишаются интонационной поддержки. Необходимость ясно различать синтаксические позиции исключает такие схемы их числа предпочтительных для письменных стилей. В русском языке, маркирующем позиции, в первую очередь, падежными флексиями, распространение аналогичных структур не может получить подобных ограничений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Местоименное склонение в болгарском языке частично сохранено.
2. Р.Ницолова, перечисляя синтаксические факторы, влияющие на выбор возвратно-притяжательного или личных притяжательных местоимений, говорит и о синтаксической функции объекта обладания [Ницолова 2008: 172], однако об указанной выше особенности не упоминается.
3. Об использовании аналогичных структур в современной болгарской устной речи пишет И.Ангелова в [Ангелова 1988].

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелова 1988 – *Ангелова И.* Организация на репликата в българската разговорна реч // *Български език*, 1988/6.
- Георгиева 1974 – *Георгиева Е.* Словоред на простото изречение в българския книжовен език. С.: Издателство на Българската академия на науките, 1974.
- Грамматика 1994 – *Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис.* С.: Издателство на Българската академия на науките, 1994.
- Грамматика 1980 – *Русская грамматика.* М.: Наука, 1980, т. II.
- Димитрова 1990 – *Димитрова М.* Варианты в словоред на местоименните клитики в новата българска поезия // *Език и литература*, 1990, № 1.
- Ницолова 2008 – *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. С.: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008.

- Розенталь 1998 – *Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1998.
- Цыхун 1966 – *Цыхун Г.А.* Синтаксис местоименных клитик в болгарском и македонском литературных языках. Л., 1966.
- Шанова 2006 – *Шанова З.К.* К вопросу о месте местоименной клитики в болгарском предложении // Материалы XI Державинских чтений. Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПбГУ, 2006.